

УДК 947 (470. 342) “19”

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА БОЛЬШЕВИКОВ И ВЯТСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО В 1918–1919 ГГ.

Чемоданов И.В.

ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет», 610002, г. Киров, ул. Ленина, д. 111, учебный корпус № 1, к. 319-а; e-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

В статье рассматриваются проблемы реализации продовольственной политики большевиков в вятской деревне в 1918–1919 гг., в условиях Гражданской войны. Показан продовольственный потенциал Вятской губернии. Анализируются различные аспекты политики «продовольственной диктатуры»: создание и деятельность продотрядов, развертывание сети комбедов. Рассматривается переход к системе «военного коммунизма». Освещаются проблемы, с которыми сталкивалась власть при осуществлении в Вятском регионе своей продовольственной политики, выявляется реакция на продовольственную политику различных слоев сельского населения. Проводимые мероприятия рассматриваются в общероссийском контексте, при этом выделяются региональные особенности. Важным является вывод, что в чрезвычайных условиях военного и революционного времени продовольственную политику большевиков в деревне поддерживали не столько малоимущие, сколько наиболее сознательные представители трудового крестьянства, среди которых было много середняков.

Ключевые слова: Вятская губерния, крестьянство, беднота, середнячество, кулачество, политика продовольственной диктатуры, продотряды, комбеды, продрозверстка.

PROVISION BOLSHEVIK POLICY AND THE VYATKA PEASANTRY IN 1918–1919 S

Chemodanov I.V.

Vyatka State Humanitarian University, e-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

The article is about implementation of the food Bolshevik policy in Vyatka countryside in 1918–1919s during the Civil War. Shows the food potential of Vyatka province. The various aspects of the policy of «provision dictatorship»: the creation and operation of provision detachments, network deployment poor committees. A transition to a system of «war communism» is observed. Highlights the challenges faced by the authorities in the implementation food policy in Vyatka region, revealed the reaction to provision policies of various sections of the rural population. Ongoing activities are discussed in the context of the all-Russian, and the allocated regional peculiarities. Important conclusion is that in emergency conditions of war and revolutionary time provision Bolshevik policy in the village supported not so much poor as most conscious representatives of the toiling peasantry, many of whom were middle peasants.

Keywords: Vyatka province, peasantry, poor peasants, middle peasants, kulaks, politics of provision dictatorship, provision detachments, poor committees, provision assessment.

Военные и революционные потрясения, переживаемые Россией в начале XX века, затронули в первую очередь крестьянство, которое составляло основную массу населения страны, являлось главным налогоплательщиком и поставщиком солдат в армию. Политические и экономические деструкции до крайности расшатали хрупкое равновесие между городом и деревней. Переориентация промышленности на военные нужды имела следствием резкое ухудшение технической оснащенности аграрного сектора и возрастание себестоимости сельскохозяйственной продукции. В условиях прогрессирующего ослабления государственной власти вооруженное крестьянство получило реальную возможность диктовать свою волю городу (в плане обеспечения продовольствием), чем оно в полной мере воспользовалось во время революции и Гражданской войны. Целью данной работы является изучение реализации в Вятской губернии продовольственной политики, осуществляемой

большевистским руководством в чрезвычайных условиях военного и революционного времени. Хронологические рамки исследования охватывают период «апогея» Гражданской войны – 1918–1919 гг. В процессе исследования использовались как опубликованные документы, так и неопубликованные архивные материалы, впервые вводимые автором в научный оборот. Применение сравнительно-исторического метода позволило выявить в реализации большевистской продовольственной политики в Вятском регионе как общероссийские тенденции, так и местную специфику.

Первоочередной задачей молодой советской власти стала организация бесперебойного снабжения продовольствием городского населения и Красной армии. Потеря большинства хлебных районов (в результате подписания Брестского мира и иностранной интервенции) вынудила большевистское руководство перейти в мае-июне 1918 г. к политике «продовольственной диктатуры». Декретами от 9 и 27 мая 1918 года все продовольственное дело было централизовано в руках Наркомпрода и его органов. Наркомпроду были предоставлены чрезвычайные полномочия по борьбе с лицами, которые укрывали излишки хлеба и спекулировали ими. Для изъятия хлебных излишков на село отправлялись продотряды, формируемые главным образом из рабочих. 11 июня 1918 года ВЦИК РСФСР принял декрет «Об организации деревенской бедноты и снабжении ее хлебом, предметами первой необходимости и сельскохозяйственными орудиями». В помощь продотрядам в деревне создавались комитеты бедноты (комбеды).

Вятская губерния была отнесена к числу производящих хлеб (т.е. имеющих излишки), именно такие регионы в первую очередь и стали «полигоном для обкатки новой политики». Необходимо заметить, что Вятская губерния отличалась принципиально важной особенностью в сравнении с другими производящими губерниями – она имела внутреннее деление по принципу производства-потребления на две части. Южные уезды были производящими, а северные – потребляющими. Таким образом, в тех случаях, когда от руководства Вятской губернии «центр» требовал хлеб, то вся тяжесть соответствующей разверстки падала именно на южные уезды. На конец марта Вятская губерния могла дать в общей сложности около 5,5 тыс. пудов хлебных излишков. Региональная статистика свидетельствует о том, что весной 1918 года изымаемые в губернии «излишки» хлеба распределялись главным образом среди ее же уездов. В результате складывалась следующая картина: «прочим губерниям – 420 пудов, нуждающимся уездам Вятской губернии – 450 пудов, отдельно в Слободской уезд – 450 пудов и отдельно рабочим заводам Слободского уезда – 100 пудов» [6; Л. 7]. Однако, в связи с хорошим урожаем, план государственных заготовок для Вятской губернии в 1918 году был значительно увеличен: нужно было заготовить 15 млн пудов продовольственного зерна и 15 млн пудов фуражного.

Хотя продовольственный вопрос в самой Вятке не стоял так остро, как в Москве, Петрограде или, скажем, северных губерниях, однако проблем и здесь хватало. На почве продовольственных затруднений процветали спекуляция и мешочничество. Так, летом 1918 г. из с. Вятские Поляны (Малмыжский уезд) мешочниками ежедневно вывозилось не менее 20 тыс. пудов хлеба. В июле 1918 г. Вятский губпродком разрешил рабочим Белохолуницкого завода, в связи с полным отсутствием в местном продкомитете хлеба и денежных средств, организовать дружину с правом осуществлять хлебные реквизиции в волостях Слободского, Яранского и Нолинского уездов [5; Л. 279 об., 372]. В данной ситуации единственным выходом являлось скорейшее принятие действенных мер по неукоснительному соблюдению хлебной монополии и изъятию продовольственных излишков. В Вятской губернии общая численность членов продотрядов, присланных из центра, к концу 1918 г. составляла свыше 4 тыс. чел., в то время как местных насчитывалось лишь 303 продармейца. Первый продовольственный отряд рабочих из Петрограда прибыл в губернию в июне. Но особое значение имело появление здесь 26 июля в качестве чрезвычайного комиссара «центра» бывшего наркома продовольствия А.Г. Шлихтера. В помощь ему был выделен 1-й продовольственный полк продармии, насчитывавший 2,5 тыс. штыков. Главное внимание комиссар обратил на уезды Сарапульский, Елабужский и Малмыжский. Изъятый хлеб оплачивался деньгами и промышленными товарами. Но деньги все быстрее обесценивались, а потому твердые государственные цены на хлеб все меньше устраивали крестьянство. Промышленных же изделий для полноценного товарообмена между городом и деревней не хватало. Задания по хлебозаготовкам устанавливались Шлихтером для уездов, их власти разверстывали таковые между волостями и селениями. Это был один из первых опытов возобновления политики продрозверстки, в свое время введенной царским и продолженной Временным правительством.

Еще до соответствующих решений «центра» началось стихийное организационное сплочение сельской бедноты в процессе ее противоборства с кулаками, которые противились изъятию у них хлебных излишков. В апреле 1918 г. в Вятской губернии насчитывалось 195 комбедов, а в мае – 200. С появлением декрета ВЦИК от 11 июня 1918 г. «Об организации и снабжении деревенской бедноты» этот процесс получил юридическое обоснование. Первоначально комбеды мыслились как «вспомогательные продовольственные учреждения» и не являлись органами власти. На них возлагались следующие задачи: 1) распределение хлеба, предметов первой необходимости и сельскохозяйственных орудий; 2) оказание содействия местным продовольственным органам в изъятии хлебных излишков из рук кулаков и богатеев. Часть изъятого зерна подлежала распределению среди сельской бедноты (до 15 июля – бесплатно, после – с большой скидкой). Промтоварами снабжались наиболее

нуждающиеся в них малоимущие крестьяне. Товары служили своеобразной «премией» бедноте за содействие в конфискации хлеба у крепких хозяев.

В центральных губерниях Советской республики работа по организации комбедов широко развернулась уже в летние месяцы 1918 года, а к концу октября 1918 года комитеты бедноты имелись почти в каждой волости РСФСР. Что касается Вятской губернии, то здесь кампания по созданию комбедов разворачивалась неспешно. В июле их было 209, в августе 331. И лишь в осенние месяцы, в условиях обострения классового противостояния, движение за создание комитетов бедноты приобрело массовый характер: сентябрь – 1 308 комбедов, октябрь – 4 318, декабрь – 159 888. В ноябре 1918 г. состоялся губернский съезд комбедов. Благодаря совместным усилиям продотрядов и комбедов, с 1 августа 1918 г. по 1 апреля 1919 г. по губернии удалось заготовить почти 8 млн пудов зерна и муки [1, с. 162-166]. Коммунистам Вятской губернии пришлось преодолеть ряд дополнительных трудностей, обусловленных особенностями социально-экономического развития и военно-политической обстановки, сложившейся здесь летом 1918 года: малочисленность кадров фабрично-заводского пролетариата, крайний недостаток опытных и подготовленных партийных кадров. В июле 1918 года, после чистки, проведенной по решению губкома ВКП(б) в ряде организаций, а также в связи с уходом многих заводских коммунистов на фронт, в составе губернской партийной организации насчитывалось всего 855 коммунистов. Партийных ячеек в селах и деревнях Вятской губернии летом 1918 года было очень мало: по сведениям Вятского губкома от 1 августа 1918 года, в 5 уездах – Котельничском, Малмыжском, Глазовском, Нолинском и Орловском имелось только 13 волостных и сельских ячеек. Малочисленность партийных ячеек создавала трудности в развертывании политической и организационной работы в деревне [3, с. 17-19].

Чрезвычайные меры вызывали недовольство кулаков и крепких середняков, являвшихся держателями хлебных излишков. На почве социального протеста активизировались антибольшевистские силы (что получило наиболее яркое воплощение в степановском и ижевско-воткинском восстаниях). Кулаки и левые эсеры, пробравшиеся в волостные исполкомы Советов, противодействовали реализации политики продовольственной диктатуры и созданию комбедов (скрывали майские декреты ВЦИК и декрет от 11 июня 1918 года, пытались подменить вопрос об организации комбедов вопросом о «пересмотре» состава волостных и сельских Советов). Летом 1918 г. имели место крестьянские выступления, направленные против политики «продовольственной диктатуры» (например, в дер. Шахайки Яранского уезда, в Афанасьевской вол. Глазовского уезда) [3, с. 20-44]. В этой непростой ситуации многие комбеды вынуждены были выйти за рамки возложенных на них задач. Требовалось очистить местные Советы от кулацких и эсеровских

элементов. Комбеды превращались в «деревенские военно-революционные комитеты», призванные пробудить классовое самосознание эксплуатируемых масс и мобилизовать трудовое крестьянство на борьбу с контрреволюционными поползновениями кулачества. Избирать и быть избранными в комбеды имели право представители всех слоев сельского населения, «за исключением заведомых кулаков и богатеев» [8, с. 416-417].

В руках комбедов постепенно сосредотачивалась вся административно-политическая власть, к ним переходило руководство хозяйственной и культурной жизнью деревни. Комбеды осуществляли передел земли, вели борьбу со спекуляцией, организовывали общественные работы, создавали колхозы, клубы, читальни, библиотеки и т.д. Возникло пагубное двоевластие комбедов и Советов. По мере упрочения Советской власти, избавления от антибольшевистских элементов и развертывания сети местных органов Наркомпрода надобность в комбедах отпала, и в соответствии с решением VI Всероссийского Чрезвычайного съезда Советов (6-9 ноября 1918 г.) комбеды подлежали слиянию с Советами. В Вятской губернии ликвидация комитетов бедноты и перевыборы Советов в деревне начались со значительным опозданием. Сложная обстановка, создавшаяся в Вятской губернии в связи с приближением фронта (зимнее наступление Колчака), задержала проведение этой работы. Свертывание сети комбедов началось лишь в конце января и завершилось в марте 1919 г. [3, с. 104]. Прошли перевыборы в сельские и волостные Советы, в которых большинство мест заняли бедняки и середняки [9, с. 93].

В следующем, 1919, году основной задачей руководства губернии оставалось проведение продразверстки (которая с начала этого года стала осуществляться в общегосударственном масштабе). Продразверстку следует рассматривать в качестве одного из компонентов системы «военного коммунизма», переход к которой в Вятском регионе был в основном завершен после III губернской партконференции (13-18 декабря 1918 г.) [9, с. 92]. Проблема хлебозаготовок решалась в первую очередь губпродкомом. Орган этот был сформирован 31 января 1919 г. на заседании Вятского губревкома в составе: Маликов (председатель), Дмитриев, Силин, Смородин. Однако параллельно с ним в губернии действовал целый ряд гражданских и военных заготовительных учреждений, в частности продовольственная, военно-заготовительная комиссия по снабжению 3-й армии Восточного фронта [2, с. 105]. В 1919 г. для Вятской губернии было установлено задание заготовить 13,5 млн пудов зерна, четверть которого должна была идти в семенной фонд [9, с. 95].

Реакция вятского крестьянства на продовольственную политику была весьма неоднозначной. Деревня воспринимала продовольственные наряды по-разному и далеко не всегда враждебно, более того, подчас даже перевыполняя плановые показатели. Разумеется, значительная часть крестьянского населения не испытывала восторга от разверстки и других

многочисленных продовольственных нарядов, которые ложились на их плечи. Спектр выражаемых по этому поводу отрицательных эмоций был весьма широк: от глухого роптания до открытых выступлений. Только по Яранскому уезду в период с 1 по 20 апреля 1919 г. произошли два волнения на почве продовольствия. Широкое освещение в сводках губернского ЧК получили события в конце октября 1919 г. в Байсинской волости Уржумского уезда, когда трехтысячная толпа окружила здание уездного ЧК. В ходе беспорядков был убит районный инструктор продовольствия Груздовский. Для усмирения толпы из Уржума был послан отряд с пулеметами [10, с. 17].

Более мягкими формами крестьянского сопротивления проводимой продовольственной политике было утаивание хлеба от учета, отказ засеять поля сверх потребительской нормы. Негативное отношение крестьянства чаще выражалось не в активном протесте, а в пассивном игнорировании разверстки. Причем подчас это делали не только отдельные деревни, но и целая волость. Такая ситуация имела место, например, в Верховойской волости Нолинского уезда. Подавляющее большинство же волостей принимало разверстку, но считало ее установленной неправильно, а, следовательно, непосильной. Именно об этом заявили на съезде 26 из 30 волостей Нолинского уезда в ноябре 1919 г. Здесь стоит оговорить следующее обстоятельство: все жалобы волостей и селений на неправильность обложения могли приниматься в соответствующие уездные продкомы только после выполнения ими установленной разверстки. Разумеется, это не добавляло энтузиазма крестьянам в сдаче продовольственных излишков [10, с. 17-18].

Важнейшим фактором сопротивления проводимой продовольственной политике являлась крестьянская мелкособственническая психология. Земледелец, как правило, был далек от понимания общегосударственных интересов, насущные личные бытовые и хозяйственные вопросы довели над его сознанием. Другой фактор крестьянского сопротивления – влияние зажиточной деревенской верхушки. Например, в июне 1919 г. в Понинской волости Глазовского уезда беднота уклонялась от участия в выборах и сама голосовала за зажиточных крестьян, мотивируя это неоплачиваемостью выборных должностей и боязнью расправы в случае прихода белых [10, с. 18]. Неудивительно в этой связи, что на ответственных советских постах, в том числе и в продовольственных органах, оказывались далеко не всегда лояльные к советской власти лица. Так, в Нолинском уезде летом 1919 г. должности в уездном продкоме занимали участники степановского мятежа августа 1918 г. Ситуация усугублялась тем обстоятельством, что многие коммунисты или сочувствующие советской власти ушли добровольцами в Красную Армию; по оценке губернского ЧК, это облегчило проникновение в продовольственные органы на местах «зловредных элементов». Определенный негативный отпечаток на отношение крестьян к

продовольственной политике накладывали и моральные качества отдельных продработников. Они дискредитировали советскую власть в глазах населения, что нередко использовалось противниками большевиков в годы Гражданской войны [10, с. 17-19]. Тем не менее жесткие военные методы в сочетании с мерами экономического стимулирования и агитационно-пропагандистскими кампаниями позволили собрать 13 млн пудов хлеба. Заметим, что до войны вывоз хлеба из Вятской губернии составлял 11-11,5 млн пудов, при этом в губернию ввозилось от 3 до 6 млн пудов пшеничной муки, т.е. «нормальный» вывоз хлебопродуктов в благополучные годы составлял около 7-8 млн пудов [7; Л. 54].

Перед большевистской партией, осуществившей социалистическую революцию в отсталой крестьянской стране с малочисленным пролетариатом, остро стояла проблема поиска союзников. При создании комбедов и введении продразверстки предполагалось, что «пролетарские и полупролетарские слои деревни», наиболее страдающие от кулацкой эксплуатации и материально заинтересованные в изъятии хлебных излишков, будут оказывать поддержку аграрным начинаниям советской власти. Однако подобного рода расчеты оправдались лишь отчасти. Бедняки и батраки, вследствие своей неграмотности и забитости, были политически пассивны и находились под сильным влиянием кулаков. Более высокую степень общественно-политической активности проявляли середняки. Они, во-первых, имели для борьбы необходимые ресурсы. Кроме того, политический и культурный уровень среднего крестьянства в целом был выше, чем у бедноты. Бедный крестьянин или безземельный работник, уходя в город или на фабрику, обычно порывал свои связи с землей. Крестьянин-середняк, напротив, сохранял свое хозяйство и, возвращаясь с городских заработков в родную деревню, вольно или невольно становился «передаточным звеном в распространении брожения и политических идей». Основную массу промышленных рабочих в дореволюционной России составляли не «чистые» пролетарии в классическом значении этого слова (т.е. наемные работники, полностью лишенные средств производства и не имеющие иных источников существования, кроме продажи своей рабочей силы), а крестьяне-отходники, сохранявшие тесные связи с деревней. Поэтому распространение в сознании народных масс революционных идей происходило не столько вследствие пролетаризации крестьянства, сколько благодаря расширению «промышленной рабочей силы, все еще тесно связанной с деревенской жизнью» [4, с. 300-301].

Таким образом, в чрезвычайных условиях военного и революционного времени политику большевиков в деревне, вопреки расхожему мнению, поддерживали не столько малоимущие, сколько наиболее сознательные представители трудового крестьянства. К ним в первую очередь относились люди, которые, в силу жизненных обстоятельств, оказывались на достаточно продолжительное время вырванными из привычной им социальной среды:

фронтвики, бывшие рабочие и т.д. Опираясь на таких, «политически подкованных» крестьян, большевистская партия сумела выстоять в Гражданской войне, восстановить народное хозяйство, а позднее – осуществить форсированный модернизационный рывок.

Список литературы

1. Бакулин В.И. Драма в двух актах: Вятская губерния в 1917 – 1918 гг. – Киров : ВятГГУ, 2008. – 229 с.
2. Бакулин В.И. Организация тыла в прифронтовой полосе: Вятская губерния зимой–летом 1919 г. // Бакулин В.И. Листая истории страницы: Вятский край и вся Россия в XX веке. – Киров : Изд-во ВятГГУ, 2006. – С. 99-115.
3. Быстрова А.С. Комитеты бедноты в Вятской губернии. – Киров : Кировское книжное издательство, 1956. – 115 с.
4. Вольф Э.Р. Крестьянские восстания // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. – М. : Издательская группа «Прогресс» – «Прогресс-Академия», 1992. – С. 294-304.
5. Государственный архив Кировской области (далее – ГАКО). Ф. Р-875. Оп. 1. Д. 141.
6. ГАКО. Ф. Р-3454. Оп. 1. Д. 41.
7. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 407.
8. Декреты Советской власти. – Т. 2. – М. : Госполитиздат, 1959. – 686 с.
9. Загвоздкин Г.Г. Гражданская война // Памяти Геннадия Григорьевича Загвоздкина – ученого, историка, человека... – СПб. : Нестор, 2008. – С. 89-97.
10. Китаев Д.Н. Проблема отношения крестьянского населения Вятской губернии к проводимой продовольственной политике в 1919 г. // Россия и Кировская область в XX – начале XXI века : материалы научно-теоретической конференции, посвященной 75-летию Кировской области и сталинской конституции 1936 года (г. Киров, 12 ноября 2011 г.). – Киров : ООО «Лобань», 2011. – С. 16-19.

Рецензенты:

Подпрятков Н.В., д.и.н., доцент, зав. кафедрой общей отечественной истории Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь.

Бакулин В.И., д.и.н., профессор, профессор кафедры отечественной истории Вятского государственного гуманитарного университета, г. Киров.